

УДК 397.7 (= 941.1)

ББК 63.5 (2)

Т 65

Дайджест издан при поддержке
Министерства по молодежной политике Республики Саха (Якутия)

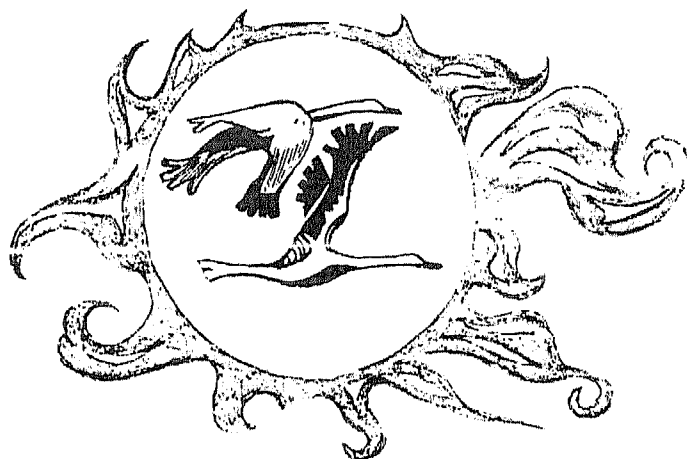
Составители: Р.Г. Нигаматьянова, зав. сектором книгохранения ЦГБ,
Л.С. Шаповалова, преподаватель Золотинкинской школы-интерната
им. Г.М. Василевич

Редактор – С.А. Черепанова

Традиции и обычаи эвенков : дайджест / МУК НЦБС, Центральная гор. б-ка, отдел краеведч.
лит.; сост. Р. Г. Нигаматьянова, Л. С. Шаповалова; ред. С. А. Черепанова. – Нерюнгри :
Печатный двор.- 27 с. : ил.

Содержание:

1. Предисловие	с. 4
2. Эвенкийские праздники.....	с. 5-7
3. Родильные обряды	с. 8-11
4. Шаповалова Л.С. «Всяк живущий пару себе находит» (свадебный обряд у эвенков)	с. 12-19
5. Список использованной литературы.....	с. 20
6. Приложение.....	с. 21-25
7. Словарь терминов.....	с. 26

Предисловие

Предки эвенков пришли на север тысячелетия назад, освоили эти суровые земли, накопили знания о природе и выработали навыки выживания в экстремальных условиях. Они сумели создать яркую и самобытную культуру.

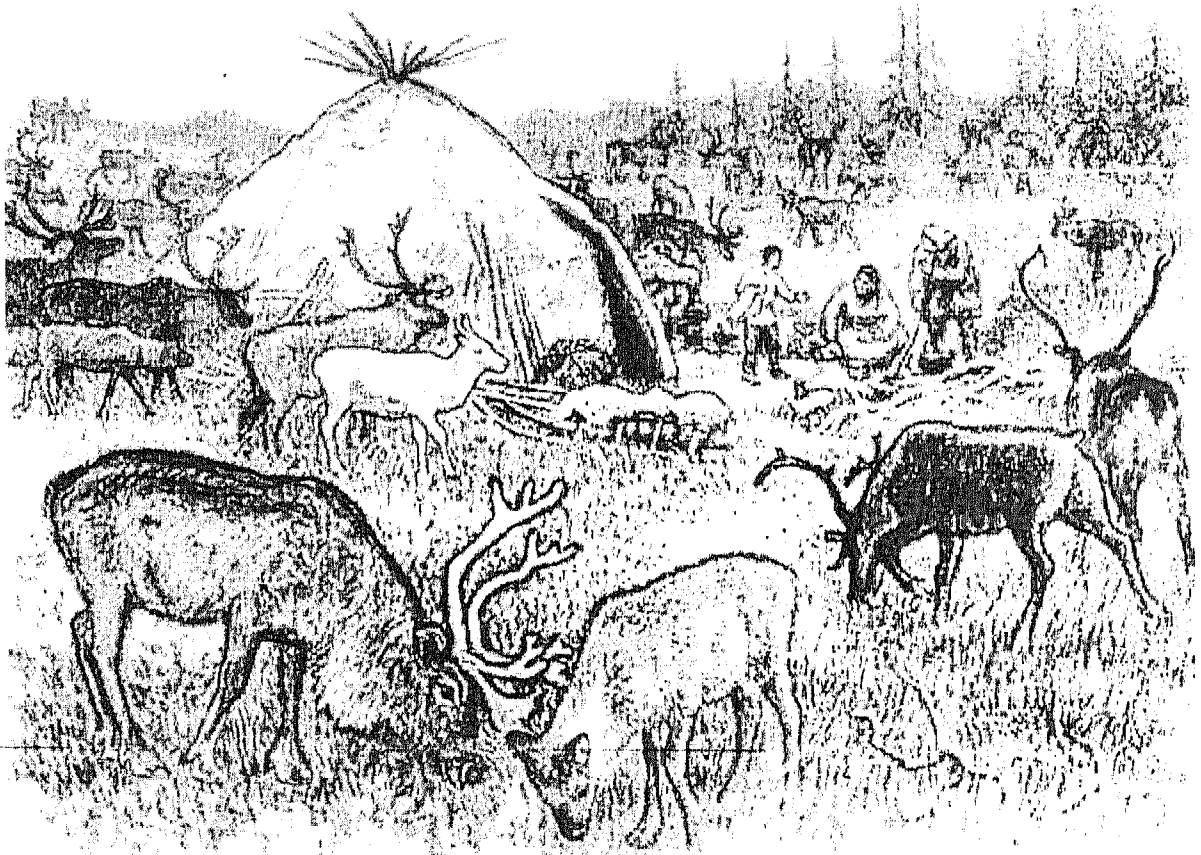
С середины 30-х годов уникальная культура эвенков находилась на грани исчезновения. Одной из причин явилась необоснованная практика поголовного перевода оленеводов на оседлость и укрупнение поселков, сопровождающаяся ликвидацией традиционных мелких селений. Это отрицательно повлияло на привычный уклад и образ жизни эвенков, и в конечном результате привело к разрушению их быта и национальной культуры.

Сегодня забытые традиции и обычаи хотя и медленно, но возрождаются, входят в повседневную жизнь и быт, становятся частью нормы поведения и морали. Возрастает этническое самосознание самого народа, стремящегося познать свои корни и привнести в современную жизнь все то полезное, что незаслуженно отрицалось совсем недавно.

В этой связи нам представляется ценным материал, касающийся традиций, обычаев, праздников малочисленной народности Севера — эвенков. Он собран из различных источников.

За основу работы взяты исследования этнографов Василевич Г.М., Мазина А.И., Туголукова В.А., героические сказания, традиции, свадебные обряды и ритуалы эвенкийского фольклора и эпоса, произведения эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ.

Из отобранных материалов можно почерпнуть максимум жизненной мудрости. Смысл поразительно актуален и призывает уважать традиции народа, гордиться ими, знать родной язык, культуру, стремиться всегда и везде только к хорошему, доброму, светлому, не позволить потухнуть эвенкийскому очагу, быть разумным хозяином Земли, ответственным за гармонию человеческих отношений, и любить этот трепетный, изменчивый мир.

Эвенкийские праздники

Самые главные моменты года у эвенков считаются праздниками. В эвенкийском языке нет слова «праздник», говорят *бакалдын* (встреча).

Икэнипкэ - так называется праздник, который отмечается летом, когда природа с новой силой начинает излучать жизненную энергию. И такое обновление становится как бы точкой отсчета для эвенков, новым годом. В принципе, это менталитет почти всех кочующих народов. В этом есть своя логика. Почему новый год должен наступать среди зимы, когда свирепствуют самые сильные холода, и все живое озабочено только проблемой выживания? Другое дело весна или лето, когда «и даже пень в апрельский день березкой снова расцветает...».

Из истории этого праздника известны такие факты.

При встрече первого грома, повествующего о наступлении нового года, произносили Алга – просьбу, благопожелание.

Когда слышали первые раскаты грома, ветки ерника в правую руку брали, трижды обходили жилище по движению солнца и произносили следующее:

Арчэ, арчэ!

Мы есть эвенки,

Мы арбагасы имеем.

Чтоб хорошо жили, чтоб не голодали,

Хорошим годом приходи,

Плохим годом не приходи.

Арче, все!

Обращаясь к божеству по имени, просили дать хороший год.

Икэнипкэ праздновали в середине июня. Каждая родовая община разбивала свою палатку, накрывала стол с национальными блюдами и радушно встречала гостей.

В прошлом обрядовые ритуальные праздники проходили обязательно в присутствии членов разных родов, ибо это регламентировало отношения с соседями. Браки у эвенков были экзогамными, а племя, состоящее из различных родов, требовало сплочения.

Праздник Икэнипкэ длился много дней. Каждый день был распределен по часам, была конкретная программа, а у каждого человека – свои обязанности.

У западных эвенков этот сложный обряд представлял собой восьмидневный хоровод с обрядовыми действиями. Танец – хоровод являлся одним из элементов обряда, в котором движения изображали погоню людей за божественным оленем.

Пение Дяричин очень близко пению, сопровождающему хороводные танцы: запевала ведет, а танцующие подпевают ему, вторят каждой пропетой им строке. Песни, сопровождающие хороводные танцы нельзя назвать песнями, т.к. эвенки по отношению к ним не употребляют самого слова «петь». Например, исполнение запева «Дэвэ» не мыслится без самого танца Дэвэ. Танец Дэвэ с его пением воспринимается эвенками как игра. Они говорят: «Давайте играть Дэвэ. – Дэвэвэ эвибэт».

Песни Дяричин к хороводным круговым танцам имеют у эвенков очень разнообразные запевы и свою мелодию. Для восточных эвенков характерны запевы «Дэвэ», «Дялер», «Гэсугур», «Манчорай», для эвенков Красноярского края запевы «Ехор».

С наступлением весны эвенки отмечают «День оленевода». На определенное место съезжаются кочевые эвенки со всех окрестностей. Устраивают праздник по случаю встречи с родственниками, друзьями. На празднике идет оживленный обмен новостями, звучат шутки. Знакомятся молодые девушки и парни. Извлекаются самые красивые национальные одежды и украшения. Кульминация праздника – гошки на оленьих нартах.

Первоначально на этот праздник собирались все члены своего и соседних родов вместе с шаманами. Отличительной особенностью служило отсутствие жертвенных оленей, а в воображаемой погоне – отсутствие преобладающей роли шамана.

В настоящее время эвенкийские праздники адаптируются к новым условиям жизни, что-то теряя или приобретая, но сохраняя с таежной, родной традицией единую связь.

В селе Иенгра Нерюнгринского района ежегодно с 1994 года проводится праздник Икэнипкэ. Первое время таежники боялись праздника Икэнипкэ из-за того, что некоторые из обрядов (*сэвэк* – *моо* и *чичиткан*) давно не совершались, поэтому реакция у них была такой:

«Вдруг что-то не то сделаем, духи на нас обидятся». В настоящее время эвенки освоили воскресший праздник и гордятся им. Он включает в себя несколько ритуалов: очищение людей (проход под деревянной

аркой чичипкан, дымоокуривание багульником), кормление медвежьим жиром *сэвэк — моо* (деревянный столб, изображающий три мира), кормление реки и огня. Угощение местных духов посредством привязывания ярких цветных ленточек на дерево — *улгани* — да. В сценарии праздника — концерт, спортивные игры: соревнования по футболу, волейболу, прыжки через нарты, борьба и т.д.

Вначале всех приглашают очистить душу и тело дымом багульника, затем — накормить огонь свежеепеченным хлебом. Говорят, если загадать во время этого обряда желание, оно непременно сбудется. Благосклонность судьбы можно также получить, дотронувшись рукой до деревянного столба (*сэвэки*), который есть возле каждого жилища эвенков.

А вне сценария, по своей собственной инициативе, бабушки собираются у реки, танцуют хороводы и поют импровизации, чуть ли не весь день, допоздна, как в старину во время длительного праздничного периода летних собраний. По тому, как долго и живо бабушки пели, как все присутствующие «играли» во время праздника, определяют будущий год.

Бакалдын — летний эвенкийский праздник, во время которого происходит так называемая «встреча всех родов».

Проводиться он должен в самом начале лета, когда распускаются почки лиственницы, когда всю ночь напролет кукует кукушка, а впереди все лето. Начало лета означает у эвенков начало нового года.

Обряд первый обязательный — пройти через *Чичипкан* — ворота из длинных палок — очистить душу и тело дымом багульника. Обряд второй — накормить огонь — от огня костра во многом зависит жизнь эвенка. Обряд третий — установить столбик *сэвэки* гусиным или медвежьим жиром. В обрядах участвуют взрослые и дети. Еще одна интересная традиция — кормление реки с пожеланиями добра и счастья, чтобы в реках было всегда полно рыбы.

С заходом солнца шаман камлал и просил у духов счастья для всех людей на земле.

Синилгэн — эвенкийский праздник первого снега, благословения зимовья. *Синилгэн* — праздник души и ликования эвенков, так как у них с этого сезона начинается великая охота. Слово «*Синилгэн*» означает «первый снег».

Синилгэн проводится по особому обряду. Эвенки каждым обрядом показывают уважение и преклонение перед силами природы, старейшинами. Те, в свою очередь, просят у духа огня благословения для всех мужчин своего рода. Вначале старейшины проходят обряд очищения через *Чичипкан*, который огорожен от злых духов леса, а потом молодые люди. Затем многоуважаемая женщина рода просит у духа огня благословения и кормит огонь специальным угощением. После этого мужчины выполняют обряд добывания удачи для охотников. При этом сильные духом и одаренные охотники берут особый лук и идут на охоту. Когда удача добыта, женщины и дети встречают их с великим ликованием. Все около юрты становятся в хоровод и по кругу солнца устраивают *хэдьэ* на эвенкийском языке.

Эвенки всегда праздновали *Синилгэн*. Продолжают эту традицию эвенки, проживающие в г. Якутске.

Праздник **Малааһын**, посвящен богине Айыыһыт — покровительнице — деторождения. Устанавливался через трое суток после разрешения роженицы.

Богиня — покровительница деторождения — именуется по якутски «Айыыһыт», так как на эвенкийском название не установлено.

В празднике принимали участие люди обоего пола. Праздник не обходился без водки и забивания оленя. Главным моментом в празднике был обряд «очищения» матери и ребенка.

Ребенка пропускали через небольшой расщеп на стволике тонкого деревца. Со стороны выхода около расщепа устраивался дымокур из багульника. Просовывая ребенка через расщеп, приговаривали — «вся грязь осталась позади».

Мать также «очищалась» дымом багульника. С этого времени она опять становилась на свое обычное рабочее место: начинала хлопотать по хозяйству и заниматься работой, связанной с перекочеванием.

Ритуальная эвенкийская одежда, которую надевают во время праздников «Икэнипкэ», «День оленевода» состоит из следующих деталей: сверху пальто, на голове — шапка-капор, на ногах — торбаза, далыс (кафтан) одевается вниз. Весь костюм изготовлен из ровдуги молодого осеннего оленя, украшен черным, голубым, белым бисером, а также металлом — мельхиором. Бахрома сделана из спилака, ткани. Орнамент чисто эвенкийский, на груди — родовой символ, край далыса украшен орнаментом, изображающим седло оленя, на головном уборе в центре темени изображен орнамент солнца, этот символ является связью с космосом, и в тоже время оберегом.

Девушка в ритуальном эвенкийском костюме

Родильные обряды

Многодетность в эвенкийской семье всегда считалась благом, молодожены старались как можно скорее обзавестись детьми. Иметь больше детей являлось заветной мечтой каждой эвенкийской семьи. Бездетная семья считалась несчастной. Рождение ребенка было большим событием, праздником не только той семьи, в которой родился младенец, но и всего рода.

Структура традиционной родильной обрядности эвенков включает следующие группы обрядов, связанных с рождением ребенка: обряд испрашивания ребенка у Аихит; представления и запреты, связанные с беременностью женщины; обряды, выполняемые непосредственно во время родов; послеродовые обряды - очищение матери и ребенка и приобщение ребенка к семейному очагу.

Магические запреты, соблюдаемые женщиной во время беременности, касались пищи и действий, которые могли оказать неблагоприятное воздействие на роды, на будущее ребенка. В первую очередь беременная женщина соблюдала запреты, касающиеся духа-хозяина домашнего очага и духа-хозяина тайги. Цель этих запретов - сохранить жизнь новорожденному и способствовать благополучию в семье.

Основная функция обрядов, совершаемых непосредственно во время родов – способствовать удачному их исходу. Во время родов женщине расплетали косы, открывали замки, развязывали все узлы. Шаман участвовал только в случае нарушения нормального рождения ребенка: при бесплодии, при затяжных родах, при постоянной смерти новорожденных в семье. Легкие роды не сопровождались выполнением многочисленных обрядовых действий.

Большое значение имело «кормление» духа-хозяина домашнего очага с просьбой принять новорожденного в состав семьи. Большое значение имели заговоры, обращения, пожелания и ритуальное поведение участников обрядов. Обряды выполняли женщины, иногда участвовали мужчины.

По представлениям эвенков Восточного региона покровительницей деторождения считалась *Аин Маин* или *Аихит*, поэтому и сами роды назывались *Аихиттанагин*, дословно «хождение за человеком *аи*». *Аихит* посылает душу ребенка, чтобы родился на земле человек. Когда долго не было детей, проводили обряд «испрашивания». Чтобы родились дети, изображения птичек – *оми*, птичек-душ, клали в пустую колыбель. По представлениям эвенков, на дереве у *Аихит* резвятся, живут и чирикают души не родившихся детей в виде синичек (Варламова Г. И.).

Шаманский обряд «добывания» детских душ производился в тех случаях, когда в семье не рождались дети. Декорация обряда полностью соответствовала декорации обряда «ловли» детской души, покинувшей тело ребенка, только вместо двух птичек *чипиче-чиче* над местом малу подвешивалась люлька с изображением ребенка, изготовленного из травы.

В камлании пением шаман описывал свой поход в мир душ на звезду *Чалбон*. Он разыскивал родовой *омирук*, брал одну из душ и возвращался на землю. В этот момент участники обряда имитировали плач ребенка, а шаман в утробу матери «помещал» принесенную душу.

Родители, у которых умирали дети, брали к себе чужого ребенка. С приходом последнего, по их поверьям, должна была прекратиться смертность своих детей.

Женщине для родов делали специальную юрту и ставили ее в стороне от жилых юрт. Работала она до последнего дня. Кочевой образ жизни продолжался вплоть до самых родов женщины.

Для роженицы устраивался специальный шалаш, где она и рожала. Шалаш строился летом, зимой ставился чум.

В сказании «Старший брат Олдонындя и его сестры Нюргурдок и Уняптукэн» описывается ритуал возведения жилища для роженицы:

Уняптукэн тяжелой стала.
И вот она заболела,
Родить собирается.
Начав рожать, просить стала:
- Лиргинчоди, лиргинчоди!
Мачара, муж мой,
Мачара – богатырь, - приговаривает.
Березовую сопку,
Семь раз обойдя,
Семь березок сруби,
Принеси, - сказала.
Как сделаешь это,
Березовую сопку пройдя,

Равнинка будет, - сказала.
Оттуда травы принесешь, - говорит.
Тут Мачара побежал быстро,
Все быстренько принес,
Сделал все, как наказала.

Родильное жилище возводили с выполнением обязательных ритуальных и обрядовых действий, о чем говорится в сказании: шалаш и чум должны иметь 7 жердей (из которых три были основными), трава бралась в особом месте, муж должен был делать все в определенном порядке и т.д.

На беременную женщину смотрели как на что-то нечистое: считалось, что она может принести семье и роду болезни и промысловые неудачи. С этим был связан ряд магических запретов, направленных на охрану здоровья беременной, ее плода и младенца, предохранение от разных неприятностей на охоте.

Беременной женщине нельзя:

- обходить юрту, проходить на место малу,
- садиться на место мужа,
- брать или перешагивать через его охотничье снаряжение,
- заносить в юрту дрова,
- поднимать детей,
- прикасаться к оленю-сэвэк и его сбруе,
- переходить тропу или идти по тропе охотника,
- в течение месяца до родов брать в руки промыленную шкуру или обрабатывать ее,
- присаживаться у входа в юрту,
- сидеть в юрте при открытой двери,
- прикасаться к топору.

Беременная женщина должна была соблюдать некоторые магические запреты, способствующие благополучным родам и оказывающие благоприятное влияние на будущего ребенка. Запреты, охранявшие будущее потомство, заключались в следующем:

Беременная женщина не должна была наступать на острые предметы – роды будут трудными, наступать на оленью сбрую или веревки – при родах ребенок запутается в пуповине.

Беременной женщине запрещалось есть мясо медведя или пить медвежий бульон – роды будут тяжелыми; есть несвежее мясо парнокопытных животных – родится дурной ребенок; ходить в ночное время в гости – ребенок будет вертлявым.

Беременную женщину нельзя пугать, ей запрещалось смотреть на покойника – ребенок родится немым; муж беременной женщины не может делать гроб покойнику – жена умрет во время родов.

Молодой чете нельзя пользоваться постелью из медвежьей шкуры – родится нервный ребенок.

Охотник, у которого дома роженица, также считался «грязным». Ему нельзя было выходить до новой луны или грозы на промысел, так как удачи не будет на охоте.

Нарушение всех этих запретов, по мнению эвенков, каралось болезнью мужа и его охотничьей неудачей.

При приближении родов договаривались с бабкой - повитухой, которая должна была принимать роды. Эту роль выполняла опытная пожилая женщина. Сама роженица заранее запасалась детской люлькой «эмкэ», мягкой шкуркой олененка и зайца в качестве пеленки, молочными продуктами и белой мукой для питания после родов. Лучшей пищей для роженицы считались молочные продукты и свежее мясо рябчика и куропатки.

Во время родов руки самой роженицы окунали в холодную воду. Мужчины стреляли из ружей, или расщепляли стволину живого дерева, раскалывали ее при помощи вставленного клина, приглашали посторонних людей, чтобы они неожиданно ворвались в жилище и быстро вышли обратно – якобы при этом ребенок испугается и быстрее выйдет. Если роды проходили неудачно, звали шамана, который своим камланием помогал выйти ребенку. Но если враждебные духи, по представлениям эвенков, оказывались сильнее шаманских, то роженица умирала, а вслед за ней умирал и ребенок. Если ребенок оставался живым, а роженица умирала, то другая кормящая женщина не могла взять ребенка, так как считалось, что у вскормленной двойни одна душа.

Рождение двойни считалось плохим признаком. От женщины, родившей двойню, ничего не брали, опасаясь также родить двойню. По этому поводу были запреты: не вешать на один крюк два котла, не печь сразу две лепешки, не класть в костер два полена.

Как только роженица разрешалась, спешили «накормить» огонь кусочками мяса и жира.

После родов для последа (*гирки*) (букв. его товарищ), делали специальный небольшой сруб, клали его туда и плотно закрывали плахами, на которые сверху укладывали камни, чтобы послед не могли достать собаки или звери. Чтобы над последом не надругались враждебные духи, с четырех сторон сруба ставили *ментая*.

После родов женщину тщательно обмывали (в некоторых случаях прибегали к обмыванию кровью) и окуривали дымом. Одежду, в которую была одета роженица, прятали в глухих местах от посторонних глаз.

Для роженицы – матери забивали молодого упитанного оленя, при трудных родах давали пить его теплую кровь. При тяжелых родах ее лечили водой, в которой мыли золотое кольцо (вода принималась внутрь).

Родившегося ребенка обтирали мягкой шкуркой и заворачивали в одеяльце, сшитое из заячьей шкурки или шкур пушных зверьков с мягким мехом, насыпая вниз труху от гнилого дерева (кучу). Колыбель новорожденному делал обязательно чужой человек. Нельзя было делать детскую люльку «глухой». Нужно обязательно отверстие в головной части, иначе «ребенок будет недоразвитым».

Чтобы ребенок не болел, в новую колыбель сначала клали щенка. Ребенка не называли по имени. В люльку обязательно клали шапку взрослого мужчины. По поверьям, шапка являлась мужским духом, охранявшим ребенка.

Чтобы ребенок рос здоровым, при рождении ему изготавливали специальную шкатулку - *муручун*, в которую помещали сшитое из замши птичье гнездо и изготовленную из ровдуги или дерева птичку *читиче-чиче* – хранительницу души ребенка.

Эвенки при рождении ребенка выделяли ему в стаде определенное количество оленей. Весь приплод от этих оленей считался личной собственностью подрастающего ребенка.

Чтобы малыш был удачливым, к изголовью колыбелей подвешивали амулеты *синкен*. Для мальчика, чтобы стал хорошим охотником и разбогател, подвешивали зубы копытных животных, носы пушных зверьков, монеты и другие вещи. Для девочки, которая должна быть хорошей рукодельницей, подвешивали наперсток, кусочки цветных тряпочек, нитки и деньги. Для охраны детской души часто изготавливали небольшой *ментай*.

Если в семье постоянно умирали дети или новорожденный ребенок рос хворым, то приглашали шамана, который во время камлания летал на *Чалбон* «выкрадывать» душу ребенка, покинувшего тело. Он внедрял ее в тело ребенка и делал две птички *читиче-чиче* для охраны души, которые вшивались в одежду на груди ребенка.

Чтоб ребенок рос здоровым и был воспитанным, он должен был соблюдать ряд запретов.

Ребенку до года нельзя есть медвежье мясо – будет немым.

Мальчику нельзя есть мясо с передней части медведя – порвет медведь.

Нельзя двум людям тянуть ребенка – будет дураком.
Ребенку нельзя есть поворотную часть кишки – заблудится в тайге.

Не разрешалось ребенку ходить в одном унте, падать на спину, прыгать с оленя – будет сиротой.

Нельзя ребенка ночью выносить на улицу, умывать ночью на улице, подносить близко к другому ребенку, шумно играть с ним – будет дураком.

Нельзя совать в рот челюсть оленя – заболят зубы, плевать в огонь – заболит язык, мочиться у огня – будет страдать недержанием мочи.

До истечения трех суток после родов мужчинам строго запрещался вход в жилище с роженицей. После трех суток после рождения ребенка устанавливался праздник – «*малашын*», посвященный богине – покровительнице деторождения.

Обрядом, следующим за родами, являлся обряд приобщения ребенка к семейному очагу, родовому огню.

Он называется *Еллувка* – дословно – мазанье сажей от огня-очага.

Один из вариантов текста текста обряда причащения ребенка к родовому огню, семейному очагу, описанного Варламовой Г. И., повествует:

Как родился ребенок, женщина-помощница берет его на руки и несет в дом. Как только она вошла, или отец роженицы, или мать, или бабушка берут золу с очага и мажут ребенку нос, щеки, подбородок. При этом приговаривают:

Отец твой, мать твоя, дедушка твой! Бабушки твоей огонь.

Дедушки твоего огонь.

Как бабушка твоя будешь разжигать очаг!

Делают так, чтобы ребенок всегда знал и помнил мать, отца, деда, бабушку. Жил долго и счастливо. Потом уже умывают ребенка.

А вот другой вариант текста обряда причащения:

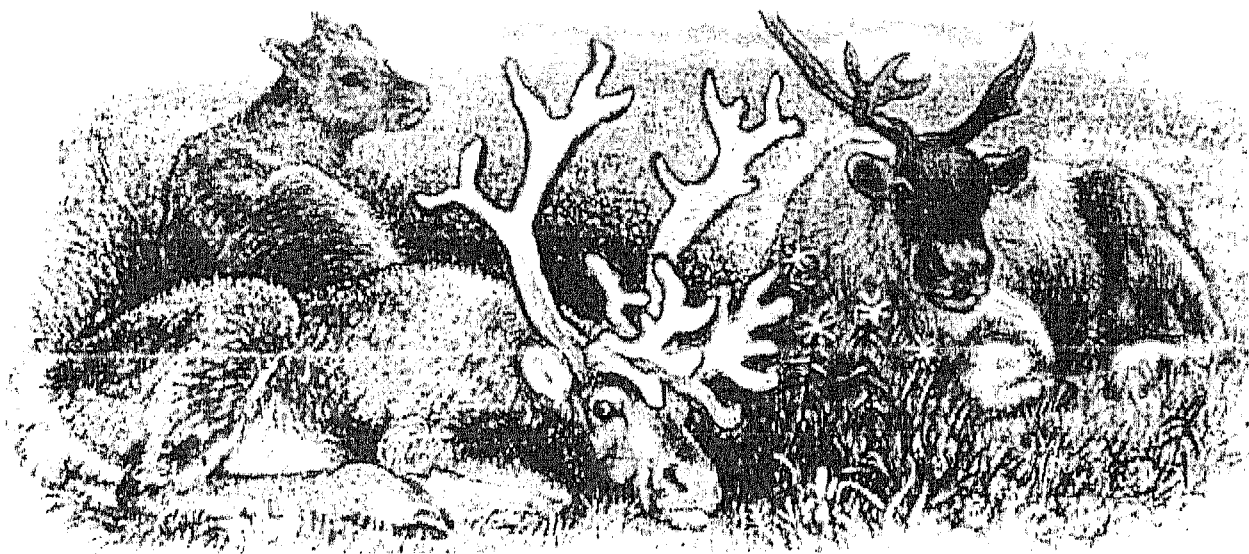
Новорожденного ребенка вносят в дом, говоря:

«Огонь! Не принимай за чужого. Твой пришел» - так говоря, мажут лицо ребенка сажей.

Обряд проводится не только с новорожденными, но и со всеми детьми уже большими при первом приезде-знакомстве с родственниками: дети приобщаются к семейным очагам родни.

Обряд *Еллувка* проводят бабушки или старшие по возрасту женщины – хозяйки очагов. Лишь в отсутствие их эту роль может выполнить дедушка либо кто другой. Все, что связано с огнем, делают женщины, и хозяйкой огня у большинства эвенков выступает дух в образе старухи.

Приведенные материалы свидетельствуют, что эвенкийские родильные обряды XIX – начала XX века были связаны с культом богини – покровительницы деторождения «*Aixut*». Она дает дитя, то есть посылает его душу, чтобы родился на земле человек. В XIX – начале XX века у эвенков существовал сложный комплекс родильной обрядности, «выполняющий» две задачи – обеспечить женщине плодovitость и сохранить новорожденному жизнь, наделив его всеми свойствами, необходимыми для будущей жизни. С началом XX века семантика многих родильных обрядов упростились, и многие из них уже не выполняются.

«Всяк живущий пару себе находит»

(Свадебный обряд у эвенков)

Эвенки - древний народ Якутии, это номады тайги, охотники и оленеводы. Большинство путешественников и первопроходцев были самого высокого мнения об этом удивительном народе. Участник II Камчатской экспедиции Российской Академии наук Яков Линденау писал, что они «отличаются смелостью, не любят бесполезной болтовни и считают её величайшим позором». Академик И.Г.Георгий отмечал: «Молодые женщины приманчивы по причине изрядного расположения лица, чрезвычайной весёлости и вежливости». А известный финский лингвист М. А. Кастрен сообщал: «Тунгусы - изящный, нарядный и щеголеватый народ. Их по справедливости можно было бы назвать аристократами Сибири...»

Бытовая жизнь эвенка насквозь была пронизана обрядностью, отражающей его мировоззрение и мировидение. В настоящее время эвенки, особенно живущие в тайге, должны помнить и всегда придерживаться 18 основных заповедей, которые составляют то, что, называют словом ИТЫ. Бытовую обрядность не смогли нарушить ни запреты, ни урбанизация молодого поколения. В последние годы обряды стали носить коллективный характер, что ведёт к активному общению эвенков между собой, приобщению молодёжи к традиционной культуре. Это хорошо влияет на самосознание, осмысление своего «я», генетически заложенного в фольклорной памяти.

За основу работы взяты исследования этнографов, героические сказания, традиции, свадебные обряды и ритуалы эвенкийского фольклора и эпоса, произведения эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ и тунгусоведа Г. М. Василевич.

Предлагаемая тема «Всяк живущий пару себе находит...» (о свадебном обряде у эвенков) достаточно широка, но мало изучена.

Для эвенков всегда большое значение имели предания и сказания. Еще И. Г. Георгий писал в XVIII веке, что «знания их утверждаются только на преданиях». Сегодня мы относимся к эпосу как к ненаписанной истории, содержащей родовые предания о межродовых столкновениях, о неудачном сватовстве, о причинах невыдачи женщин, о мести за пролитую кровь, нападении и захвате женщин во время отсутствия мужчин... Ганга, где многие века жили наши предки, и поныне таит в себе много тайн. Но даже то немногое, что мы знаем, оставляет неизгладимый след в наших душах.

Во всех героических сказаниях эпические богатыри берут в жёны небесных девиц - жительниц Верхнего мира Улу Буга.

Так, в нимнгакане «Каменное сердце имеющий Дёлоргун - богатырь» главный герой во время странствий встречается с небесными девицами и говорит им:

Желанные мне
Девыцы – люди,
Желаемое услышьте!
Мне богатырю – человеку
Суженая, пара нужна...
На просьбу богатыря отвечает Юлтэк - девица:
Трижды шёлковая Солкокчон
Согласилась ведь,
Чтобы вместе вы жили...

Счастливый жених «как камень крепкое сердце имеющий» «трижды шёлковую Солкокчон» берёт в жёны. Девыцы - птицы «крылья имеющие» стали на «большую свадьбу» всех людей собирать.

Оттуда и отсюда люди приезжать начинают,
На Седовых оленях да, да на всяких едут.
И на лошадях люди к ним приезжают.
Приезжая - прибывая, здороваются...
Женится человек наш. Наш человек,
Крепкое, как камень, сердце имеющий.
Дёлоргун - богатырь обратился со словами :
Желанные мне,
Слушайте - смотрите!
Люди - ай, говорю вам:
Трижды шёлковой Солкокчон,
Небесным полётам её, полётам её конец наступил.

Хорошо рассевшись, праздновать начали свадьбу. После пира с женой возвратились на землю, стали в доме своем жить. Так любимый богатырь эвенкийского эпоса «к судьбе своей пришел... Вот так судьбу свою нашел».

Анализ исследований нимнгаканов Г.Кэптукэ показывает, что юг Якутии был одним из мест формирования эвенкийского героического эпоса. Рассмотрим еще один пример нимнгакан «Гарпарикан – богатырь».

Слово «нимнгакан обозначает термин, объединяющий как героические сказания, так и все виды сказок и мифов. Г.И. Варламова записала это героическое сказание от К.П. Афанасьевой (1917 г.р.) в 1981г.»

Главный герой сказания - Гарпарикан - богатырь узнаёт от кидак - птицы (небесной девицы), что его младшей сестре грозит опасность от авахов Нижнего мира. Одиноким герой отправляется в путь и в результате странствий узнаёт о своих родственниках. Возникает мотив мести за сестру и тема мщения за родителей (оказывается, родителей когда-то увели в плен враги-авахи и погубили их).

Отец твой человека макушкой был,
Мать твоя – Средней земли женщина
Лучшей из женщин была.

Обо всём этом богатырь узнаёт от белочки — девушки(суженой нашего героя)Верхнего мира Буга, она помогает ему одолеть всех врагов и проводит в Верхний мир Угу Буга, на свою землю, где и выходит за него замуж:

Гарпарикан - богатырь!
В своём сне
Нашла тебя я...
Все дороги прошла с тобой...
На Дулин Буга Твою пойду...

На что «наш парень» отвечает:

Подругой - женой стань мне.

Семьи нет у меня.

Прыгнула белочка и превратилась в хорошую женщину:
Волосы её по земле волочатся,
В волосах её золотой гребень
Семью лучами сверкает.

Старший брат Юри Юлтэн (девушки-белочки) Сэялбунэр-богатырь становится их сватом и даёт напутствие молодым:

Впредь ты семейным станешь.
Хорошо на родине своей живите.
Древнего утёна (жизнища) твоего очаг
В будущем не потухнет.
Ну, через месяц свадьбу должны сделать.

Так Гарпарикан-богатырь жену себе нашёл, странствуя ради познания мира и поиска себе подобных.

Невеста, как суженая, как преопределенная судьбой герою, встречается и в других нимнгаканах, где, по словам Г.Кэптукэ, «искусство эвенкийской героической традиции предстает во всем величии».

Весьма распространён у эвенков сюжет из нимнгакана-мифа о «Погоне Манги - людоеда за двумя девушками-сестрами». Уже в этих текстах явно поступают элементы свадебного обряда:

- 1) погоня героя за девушками, которые убегают;
- 2) девушки обязательно берут с собой женскую сумочку с орудиями женского труда;
- 3) спасаясь от погони, девушки бросают не только орудия труда, но и женские бисерные пояса.

Право на женитьбу и на жену эвенкийский мужчина мог завоевывать следующим способом: «если юноша, погнавшийся за девушкой и нагнавший её, дотрагивался до неё, она должна была стать его женой». Частью приданого невесты была женская сумочка со всеми женскими орудиями труда, куда входили бруски и точило. На весенние игрища, где обычно присматривали себе пару, девушки надевали бисерные пояса в виде натазников, вышитых бисером; их шили один раз в жизни. Подобное украшение - являлось свадебной принадлежностью (Г. Кэптукэ).

В прошлом обрядовые ритуальные праздники проходили обязательно в присутствии членов разных родов, так как браки у эвенков были экзогамными; «ни в коем случае нельзя сочетаться с представителями из одного и того же рода».

(Ванчикова В. В.).

Эффективным средством сплочения являлись массовые церемонии, длившиеся несколько дней:

Сколько есть ай-людей на свете

Всех позовите...

Свадьбу большую

Теперь сделаем...

Приготовили тут же всё, людей ждут.

Женится человек наш.

Эвенкийский нимнгакан

У эвенков сохранилась характерная особенность: перед тем, как выйти замуж или жениться, молодые люди должны хорошо знать свою родословную до пятого колена. Нельзя создавать семью, выбирая себе в жены кого-нибудь из своего рода, определяя по отцовской линии (Наумова О. В.).

Брак разрешался между лицами, носившими одно родовое имя, не ближе 7-10 поколений. Двоеженство было редким явлением, допускалось оно только в случае бездетности первой жены.

Когда же все-таки жениться или выходить замуж? Когда будущие молодожены научатся вести домашнее хозяйство. Этому девушек и юношей обучают с малых лет. Подготовку к свадьбе начинают чуть ли не за год, потому что к созданию семьи даже молодые относятся очень серьезно (Ванчикова В. В.).

Этнографические и фольклорные данные, по мнению Г. М. Василевич, позволяют говорить, что «у эвенков существовали разные способы «приобретения» жен. Наиболее древний - в военном столкновении. Женами становились женщины побежденных, а также женщины, выданные для примирения». Строки из преданий: «После побоища Пара взял в жены двух девушек, другие воины привели много девушек на свою землю». Вторым не менее широко распространенным способом «приобретения» жен был обмен между отдельными семьями, родами, племенами. Обменный брак сохранялся вплоть до XX века. Обменные девушки могли быть одинаковыми и разных возрастов; например, взрослую обменивали на малолетнюю, которая жила у родителей «до возмужания». По преданиям, если выросшую девушку по каким-либо причинам не хотели отдавать или предлагали другую, то второй род мог начать войну. Обмен девушками был распространен среди бедных эвенков, они вместо калыма и приданого к свадьбе приготавливали только мелкие подарки. Третьим способом, появившимся позже, был обмен равноценными подарками (калым, выкуп, тори). Прежний подарок жениха превращался в калым, а подарок невесты - в приданое. Подарок жениха состоял из оленей (реже лошадей) и угощения па свадьбу. В XIX веке самый большой калым составлял до 300 оленей, а малый до 5. Подарок невесты - из каравана оленей с упряжью и сумами, наполненными одеждой и всем необходимым для самостоятельного хозяйства молодых, т.к. они сразу отделялись и жили отдельно от родителей. Подарок жениха получал род и распределял его между родичами невесты (Э. К. Пекарский). Когда подарки жениха и невесты были равноценными, они и назывались «тори». Позднее подарок жениха стал дороже и зависел от состояния семьи - за юную невесту платили меньше, чем за взрослую - опытную работницу и хозяйку. Способ «приобретения» жен путем похищения не был характерен для эвенков: «Похищать девушку хуже, чем украсть оленя».

И еще один случай описан в легенде «Сигачан» из повести Г. Кэптукэ «Имеющая свое имя Желтула - река», где девушка выбирает сама себе жениха, отказав перед этим другому человеку. «Зовут меня Хорогдо... Па весеннем празднике Икэчик наши девушки дарят любимым вышитые кисеты. Тот, кому подарит девушка кисет, засылает к ней сватов. Но мой кисет пока еще при мне... и я отдаю его тебе. Береги его, без него не стану я твоей подругой - женой... В самом начале лета... придешь к нашему стойбищу. Покажешь кисет моим родителям - возьмешь меня в жены».

Возраст молодых, вступающих в брак, был различным, существовала традиция сватать новорожденных, а иногда даже еще не родившихся детей. Обряды сватовства и свадьбы значительных вариантов не имели. Чтобы у родителей жениха не было при разговоре личной заинтересованности, сватать всегда должен был человек из другого рода. По преданиям, описанным Г. М. Василевич, сваты, подходя к стойбищу, пускали специальную маленькую свистящую стрелу (сэлэ), по форме напоминающую клюв ястреба, как бы сообщавшую, что люди идут с мирными целями. Сваты отправлялись с кедровыми посохами (мужчины), а женщины с березовыми, на верхних концах которых

привязывались лоскутки новой материи - салама (олицетворение нитей жизни, судьбы). Саламу уносят на небо духи-птицы, чтобы вручить божеству самой матери Буга. Войдя в чум, сват некоторое время сидел молча, затем начинал традиционный разговор:

-Я посланец людей по твою дочь. Просят твою дочь. Очень нуждаются в ней.

-Я не знаю мыслей моей дочери. Если ей нравится, я, пожалуй, отдам. Если нет, не стану!

-Очень нуждаются!

-Отдам, если моя дочь любит. Сейчас не желаю говорить!

Чаше молодые уже видели друг друга или сговорились до сватовства.

Отец советовался с матерью, сородичами... Сват приезжал вторично, и разговор возобновлялся. Иногда отец выгонял сватов из чума, переговоры затягивались на год-два. Но бывали случаи, когда родители, соблазненные калымом, выдавали дочь против ее воли (Ванникова В. В.).

А вот какой случай сватовства описала Г. Кэптукэ в главе «Мая косуля»: «Семену шел двадцатый год, и отец подобрал ему невесту.

- Мы возьмем для тебя Кэтэри Лиханову. Я намекнул ее отцу, он вроде не против. Но ты бы сам как-нибудь познакомился с ней. Встретиться с ней, вдруг откажет. Неудачное сватовство предполагает и неудачную жизнь».

И Семен при встрече с девушкой затевает шутивную песенку сватовства:

Гилу-гилу! Гилуй, мать-река!

На берегу твоём стоящая Юктэлэк гора...

Тайну мою, зная, выболтать хотят...

Ты уж догадалась, вижу, что они хотят сказать?

Семену казалось, что молчание длится слишком долго. Но вот в ответ послышалось:

Глубины твоей, высоту гор твоих не знаю.

Насколько глубока ты, не знаю...

Так задала вопрос девушка, спрашивая о серьезности его шага. Дальше в песенный диалог вступает друг жениха:

Я сват, гилу-гилу, мать река!..

Я спешу передать просьбу друга.

Кэтэри отвечает согласием:

Знаю тебя и словам твоим верю.

И буду вести я речь с Семёном.

Весь свадебный обряд состоял из трех основных частей: одевание невесты и сборы ее каравана; перевоз невесты; приобщение к семье мужа в виде троекратного обеда невесты вокруг чума и «кормление» его огня (имты). Позже были введены элементы свадебного угощения. Считалось хорошим признаком, если на свадьбу съезжались все родственники.

Сбор невесты начинался за день – два до отъезда на стойбище жениха. Подруги помогали укладывать в Сумины ее приданое:

Под пенье и костерка уютный треск

Готовят там особую одежду,

Что отличает всех невест:

Вот муручун уже стоит готовый,

Кладут в него иголки, нитки, пожницы

И всякий бред,

Без коих, в общем – то, семейной жизни нет.

(Из свадебного обряда фольклорного ансамбля «Юктэ»)

В день отъезда часть подруг наряжали невесту в праздничные одежды, отличавшиеся большим количеством украшений и новых материалов, оригинальностью оформления и своеобразного пошива. Сами эвенки сходные по внешнему виду костюмы различали по мелким деталям украшений, особенно в нагрудной части. М. А. Кастрен, говоря о национальном костюме, сообщал: «Они придумывают всевозможные способы для украшения своей наружности, держатся довольно чисто и опрятно, делают прическу и приглаживают свои нестриженные волосы, татуируют свое лицо и наряжаются в фантастические костюмы».

Свадебный наряд состоял из кафтана, нагрудника, унтов и головного убора. Кафтан – древнейший вид верхней одежды, который шили из летней или осенней шкуры оленя, ровдуги (замши). Он был распахнутым, с расширяющимися к низу полами. Борты не сходились и закреплялись замшевыми

завязками. Борт оторачивали мехом или полоской из тканей, а края подола и рукавов обшивали бахромой из звериного волоска. Кафтан, плотно обхватывающий спину, грудь, плечи, подчеркивал стройность и изящество эвенка. Дополнял кафтан расшитый бисером нагрудник, с мехом по краям, с изображением водоплавающей птицы – гагары (гагара считалась символом любви и верности). Нагрудник играл важную роль, закрывая открытую часть груди, и завязывался сзади тесемками на шее и на талии. Он заканчивался прямым углом и был дополнительным украшением в одежде. Орнаментировали его весь. Обувь также расшивалась бисером и доходила до колен. Головной убор был в виде повязки из широкой полосы ровдуги, которая охватывала голову и завязывалась на затылке с помощью ровдужных завязок. К этой полосе были пришиты четыре лямки, проходящие крестообразно по голове и плотно зашитые бисером (голубым, желтым, белым, синим). По самому краю (над ушами) были прикреплены подвески из бисера (секан) в виде кисточки из ремешков с нанизанными корольками (Готовцева Е. Д.).

Затем невесту, наряженную как кукла, усаживали на оленя. Во время облачения невеста дарила подругам на память мелкие вещи: кольца, серьги, браслеты и др. с пожеланиями поскорее выйти замуж и иметь много детей. Другие девушки в это время выучили и составляли караван оленей. Первым был верховой олень невесты, который вел старик с иконой (заимствовано у русских). У большинства эвенков старая женщина – чужеродка должна была вести караван невесты. Случалось, невесту пешком отводил сват (Василевич Г. М.)

Когда невесту провожали из палатки родителей, то наказали, чтобы не оглядывалась – это плохая примета.

Накануне чум молодожёнов (палатка), разделённый на мужскую и женскую стороны, устанавливали родственники жениха и проводили обряд сулганни (окуривание дымом багульника или можжевельника жилища). Почитание огня у эвенков складывалось тысячелетиями, оно тесно связано со всеми обрядами культа духов-охранителей (Кириллова М. С.).

Неподалеку от стойбища жениха караван невесты встречали отец и мать жениха с его родственниками. Мать приветствовала невестку песней – алгавка Термин «алга» – благословение – это обращение к духам трёх стихий: огня, воды, тайги и к небу Буга, – обычно содержит просьбу, благожелание. Песни – алга сохраняют заклинательный тон и исполняются по торжественным случаям. С помощью слов – просьбы удлиняется жизнь, улучшается судьба.

Инининман ая иннени
Колбонноров хутэкэрвер.
Аят бидекэллу, горой
Сунду дювун
Тоһо сиврэ.
Кунакачир бидекэллу
Орокорви кэтэльдектын.
Сегодня радостный день,
Соединяем сердца молодых.
Живите долго и счастливо.
Пусть в вашем чуме
Не гаснет огонь,
Пусть по тайге звенит детский смех,
И оленье стада ваши пусть множатся.

(Кириллова М. С.)

Закончив петь, исполнительница говорила, что она благословляет молодых. Содержание повторяется кратко на русском языке – это тоже традиция. Старая родственница (или брат) жениха брала передовика в караване за уздечку, приводила на стойбище и трижды обводила по солнцу вокруг чума жениха или вокруг площади для оленей, произнося:

Будь счастлива и богата! Будь подвижна, бойка! Воспитывай Сэвэки! Мужа обнимай! Воспитывай хорошо своих детей! Пусть огонь в очаге не угасает! Чтоб было в чуме много пищи, мною счастья, и злой Харги не смог вам помешать! (Наумова О. В.)

На площади совершался обряд улгани, направленный на сохранение жизни новобрачным. Натягивались верёвки-шнуры, привязывались полоски ткани – это олицетворение представлений о путях жизни, о верёвке-судьбе. Глубинный смысл обряда связан с укреплением души-судьбы человека, пути ЖИЗНИ через деревья и травы. Основная роль в нём принадлежит женщине как подательнице жизни человека.

Затем невесту вводили в чум, и она «кормила» огонь, бросая в него кусочки сала, щепки и брызгая кровью оленя, убитого для угощения. Имты - самый всеобъемлющий обряд. По представлениям эвенков, огонь это посредник между человеком и высшим божеством Буга и другими духами. Можно забыть и не совершать другие обряды, но если человек кормит огонь, значит, он соблюдает основной обряд, обеспечивающий ему благополучие в жизни:

- Небо Буга, одари нас едой.

- Небо Буга, одари нас семейным благополучием (чтобы рождались и не болели дети, скот содержался хорошо).

- Небо Буга, одари нас счастливой судьбой.

Этот обряд жив в любом доме и любой семье, эвенки по важным событиям и поныне не забывают угостить огонь.

Испокон веков по хозяйке дома определяли, каким будет семейный очаг, на ней и держалось стойбище эвенков.

После этого невеста занимала место хозяйки и садилась на один кумалан с женихом, и начиналось угощение, которое иногда продолжалось до четырех дней (два дня в чуме жениха, два - у невесты). По вечерам молодежь устраивала традиционный танец - хоровод в честь рождения новой семьи, оленьи гонки, игры, испытания жениха и невесты на умение запрягать оленей и др.

Свидетельством ещё недавних общеродовых празднеств с целью сплочения племени является шуточная дразнилка по родовым названиям п. Иенгра, которой заканчивалась свадьба, и гости разъезжались.

Сологоны вверх по течению пусть едут,

Дэньмэ вниз по течению пусть спускаются.

Кэптуке пусть на месте своём пухнут.

Пуягир в свои места пусть отправляют

Лонгорки подальше пусть кочуют.

А Буллет не умрёт, не пропадёт, и не сгинет этот Буллет.

А Нюрмаганы стрелы свои схватили, опасные.

Вся свадебная церемония заканчивалась эвенкийским хороводом «Дэвэйдэ» (образец хоровода):

Дэвэ, дэвэ, дэвэй дэя,

НямуБикан налэлэдивэр

Дяванал икэндебат

Дэвэ, дэвэ, дэвэй - дэпат. Инининман колбонноров Аякарвэр хутэкэрвэр.

Дэвэ, дэвэ, дэвэй дэя,

Ороквор ильбаденэл. Бэюкэрвэр бэюденэл.

Дэвэ, дэвэ, дэвэй дэя,

Инэденэл нэнэдепат,

Аямамат бидебат.

Дэвэ, дэвэ, дэвэй дэя,

Тёплыми руками

За руки возьмёмся

И будем петь «Дэвэйдэ».

Сегодня соединяем

Сердца молодых.

Дэвэ, дэвэ, дэвэй дэя,

Будем пасти оленей.

Пусть они множатся.

Дэвэ, дэвэ, дэвэй дэя,

Смеемся, улыбаясь,

Будем жить хорошо

И петь хоровод «Дэвэйдэ».

(Кириллова М. С.)

Какие свадебные обряды сохранились до наших дней и востребованы ли они сегодня?

Согласилась рассказать о своём свадебном обряде молодая учительница национальной культуры ЗСОШИ, коренная жительница п. Иенгра, Кириллова Маргарита Степановна. Она, прекрасная

исполнительница эвенкийских песен, знаток эвенкийского фольклора, не раз была победительницей Республиканских конкурсов.

«Летним днём в июле на берегу реки Иеигра встретились два эвенкийских рода: «Эмис» и «Бута». Со стороны жениха к стойбищу невесты подъезжают сваты. Их встречают сородичи невесты и приветствуют рукопожатием. Долгожданных гостей приглашают в палатку на угощение. За столом заводят разговор, обе стороны расхваливают жениха и невесту:

- Мы, из рода «Эмис», приехали издалека, нынче была хорошая охота. Пришла пора молодому охотнику привести в свой чум молодую хозяйку, умелую, ласковую, красивую. У нас на примете дочь ваша. Володя уже присмотрел этой весной Риту.

- Да, в нашем роде «Бута» есть такая красавица, певунья. Мы ей очень дорожим, и если она согласна, то мы с радостью породнимся с вами.

В это время на поляне возле палатки невесты собрались мои подружки. Я каждой из них подарила по вещичке: колечки, серьги, нагрудные украшения с пожеланиями: «по душе найти себе парня, поскорее выйти замуж, не забывать традиции рода».

Договорившись о свадьбе, сваты отправляются в своё стойбище, которое разбили рядом.

Мы с Володиёй на минуту встретились взглядами, полными любви. Эвенки могут без слов сказать о многом. На душе у меня стало радостно, сердце, как маленькая птичка, хотело выпорхнуть на волю.

Во всех палатках шло приготовление к свадебному угощению. Было очень тепло, и поэтому на большой поляне расстелили «кумаланы», расставили столики «нэптывуны». Старшие из обоих родов готовили угощение на печках «печевун».

Я сама себе сшила свадебный эвенкийский наряд: белое платье, расшитое национальным орнаментом и кусочками соболиного меха. Голову украшал ободок из белой ткани, расшитый бисером. На ногах у меня были «доктоны».

Близилось время отправления к стойбищу жениха. Подруги помогли мне навьючить на оленей приданое, посадили меня на верхового белого оленя «учака». Старший из моего рода повёл караван к месту свадьбы, хотя это было и недалеко. Нас встретила мать жениха и обвела мой караван 3 раза вокруг чума, затем развесила всё приданое с двух сторон от жилища. Сразу после этого мы с Володиёй совершили обряд «кормление огня - имты». Елизавета Петровна (мать Володи) спела песню - алгавку молодым, которой она желала жить нам дружно, мирно, иметь много детей.

После совершённых обрядов всех гостей пригласили к столу. Основное угощение было из оленины: кровяная колбаса «буюрун», отварной язык «инни», «меван», «сулукта», «чукин», «хакин».

Все гости танцевали, водили хороводы: «Дэвэйдэ», «Манчо», «Ёхарье», «Осорай», «Делибер», «Госигор», пели эвенкийские песни до поздней ночи.

И сегодня, вспоминая все впечатления того времени, я заново пережила те счастливые моменты моей жизни. Так приятно прикоснуться к истокам, завещанным нам нашими предками».

Следующей собеседницей стала моя одноклассница Захарова Сабрина. Вот что я узнала из её рассказа:

«Я занимаюсь 8 лет в эвенкийском фольклорном ансамбле «ЮКТЭ», что в переводе на русский язык обозначает «Родничок». Вначале я принимала участие в небольших обрядовых сценках, эвенкийских танцах, а в прошлом году в этноцентре «ЭЯН» силами участников ансамбля был поставлен свадебный эвенкийский обряд с участием общины «Чалбан». Рукодельницы нашего посёлка сшили костюмы. Мне предложили исполнить роль невесты. Это было такой неожиданностью и интересным событием в моей жизни, ведь мне исполнилось тогда всего 13 лет. Начались репетиции. С каждым днём оживали древние традиции наших предков, мы становились серьёзнее и взрослее, понимая, какую ответственность несём. Я узнала много нового из жизни моего народа. Перед глазами возникали эвенкийские свадебные ритуалы, дошедшие из глубины веков. Решила перечитать эвенкийский фольклор, статьи и рассказы Кэптука, чтобы впитать глубинные знания народного эпоса. Я попыталась перевернуть свою жизнь «с ног на голову», раствориться в роли, стать лучше, мудрее, быть достойной «невестой», постараться донести до зрителя всё, чем наполнилась моя душа.

В нашем посёлке есть люди и других национальностей, и поэтому нам нужно научиться жить рядом друг с другом, не разрушая своих традиций. Нужно стремиться к гармонии, пониманию, а в трудные минуты обращаться за помощью к старшему поколению и их мудрым советам».

Моя одноклассница Семёнова Эльвира, ознакомившись с докладом, предложила для оформления работы несколько своих рисунков с изображением эвенкийской девушки в свадебном наряде.

Собирая материал по данной теме, я обратилась к старейшим жителям п. Йенгра. Вот некоторые выдержки из интервью:

- **Что вы помните о своей свадьбе?**

Дмитриева Варвара Терентьевна 1920г.р., эвенкийка.

- Жили бедно в тайге... Родители жениха вместе с сыном приехали в Сутам выбрать невесту. На момент смотрины мне было 18 лет. Мои родители обрадовались и назначили свадьбу через год. В апреле 1937 года состоялась свадьба. Приданое готовила сама: одежду, домашнюю утварь, муручун с иглами, нитками, ножницами. Было создано много гостей, позвали всю родню. Праздновали свадьбу в течение двух дней, с песнями, играми. Сразу после этого муж привёз меня в Токорикан, так раньше называлась Йенгра..

Супруги Анатольевы Михаил Иванович и Валентина Ивановна.

- Жить раньше было тяжело, много работали... Платили продуктами, на этом и жили. До свадьбы мы знали друг друга, так что женились по любви, в марте этого года исполнится ровно 50 лет нашей совместной жизни. Свадьбу справили в один вечер, т.к. с утра нужно было снова работать. Приглашены были четыре соседние палатки....

Колесова Аграфена Егоровна 1930 г.р.

- У меня было много женихов, но сама выбрала Сергея, которого встретила в Учуре. Свадьба была скромная, пригласили только близких родственников...

Енохова Анна Николаевна 1919 г.р.

- С будущим мужем Андреем познакомились в Хатыми.... Период ухаживания запомнился эвенкийскими играми, хороводами, которые продолжались до утра.... Любили друг друга сильно, позже предложил выйти за него замуж без сватовства. ...Я была счастлива».

Со слов Марковой Зои Михайловны о свадьбе её матери Алексеевой Елены Николаевны 1909 г.р.

- После того, как мою маму сосватали, назначили день свадьбы. Собралась вся родня, поставили 10 палаток и к каждой привязали по одному оленю. Когда невесту провожали из палатки родителей, то наказали, чтобы не оглядывалась - это плохая примета. Нарядили её как куклу, украсили одежду побрякушками».

Записано со слов Поповой М.С. 1937 г.р.

-Я расскажу о свадьбе моей матери Дмитриевой... Это было в 1950 г. До свадьбы молодые друг друга не знали. Когда приехали сваты, маме было всего 13 лет, а жениху намного больше. Дочери всегда жили при матери, а после замужества уезжали в чум мужа и больше на родину не возвращались. С пустыми руками невесту не отправляли, обязательно с оленями и домашней утварью, которую готовила мать невесты. Жили бедно, поэтому дочерей старались поскорей выдать замуж. У эвенков так было. Прощаясь, родители наказывали девушке: «Не смотри вслед уходящему на охоту мужу, нельзя, иначе никакой добычи не принесёт».

Список использованной литературы

Книги:

1. Варламова, Галина Ивановна. Эпические обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова (Кэптукэ); отв. ред. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2002. – 376 с.
2. Василевич, Глафира Макарьевна. Эвенки : историко-этнографические очерки (XVIII – начало XXв.) / Г. М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 157 с.
3. Карпов, Виктор Владимирович. Эвенки в XVII – начале XX века : (хозяйство и социальная группа) / В. В. Карпов. – М.: МГУ, 1982. – 160 с.
4. Кэптукэ, Галина Ивановна. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре : очерки / Галина Кэптукэ. – Якутск: «Северовед», 1996. – 134 с.: ил.
5. Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии / С. И. Николаев. – Якутск, Якуткнигоиздат. – 1964. – 202 с.

Статьи:

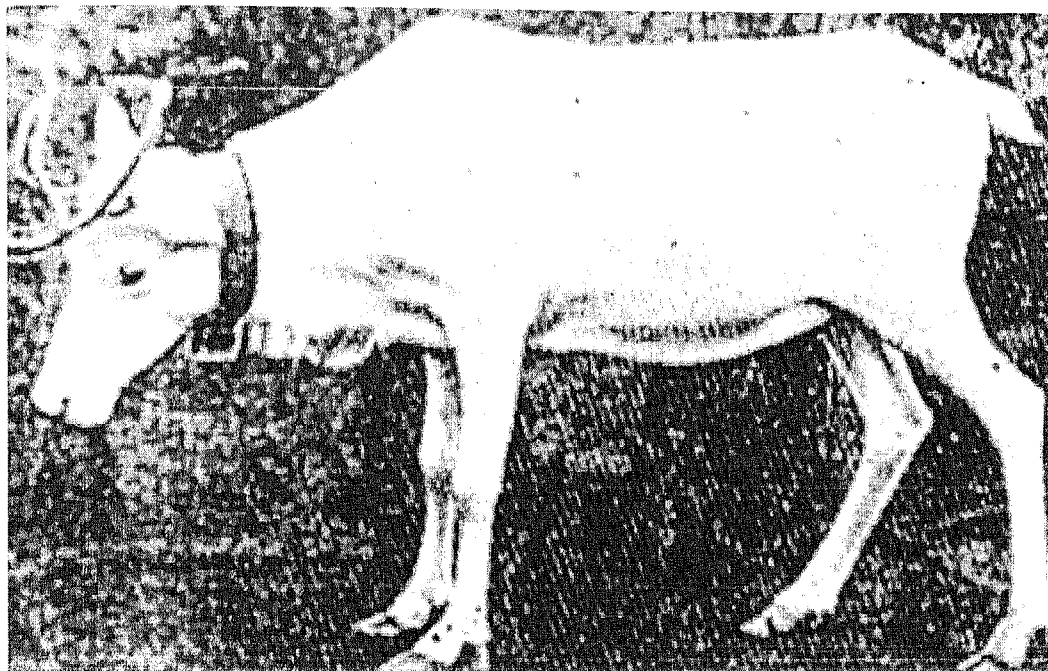
1. Алексеев, Сергей. «Душа – это средство жизни...» : природоохранные традиции эвенков / Сергей Алексеев // Илин. – 2000. – № 3(22). – С. 89 – 91.
2. Алексеев, Сергей. Мы живы, пока жива тайга / С. С. Алексеев // Илкэн. – 2004. – № 2. – С. 11.
3. Анисимова, В. Л. Ритуальная эвенкийская одежда // Тохсунибу. – 2000. – № 1. – С. 3.
4. Варламова, Галина Ивановна. Обряды, связанные с рождением ребенка // Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. (Кэптукэ). – Новосибирск, 2002. – С. 145 – 148.
5. Коковин, Юрий Николаевич. «Бакалдын» - встреча всех родов : фоторепортаж / Юрий Коковин // Индустрия Севера. – 2000. – 21 июля.
6. Кэптукэ, Галина Ивановна. Обряды, связанные с рождением ребенка // Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора : (очерки) / Галина Кэптукэ. – Якутск, 1996. – С. 112 - 113.
7. Кэптукэ, Галина Ивановна. Огонь – это жизнь / Галина Кэптукэ // Маленькая Америка : повесть и рассказы / Галина Кэптукэ. – М, 1991. – С. 143 – 144.
8. Лавриллье, Александра. Эвенки и цивилизация / Александра Лавриллье // Илкэн. – 2001. – № 11 - С. 8 – 9.
9. Лавриллье, Александра. Между игрой и ритуальным действием : традиции и современность / Александра Лавриллье // Илкэн. – 2001. – № 10 - С. 7 – 10.
10. Мазин, Анатолий Иванович. Беременность, рождение ребенка, поверья и обряды, связанные с ними // Традиционные верования и обряды эвенков орононов (конец XIX – начала XX в.) / А. И. Мазин. – Новосибирск, 1984. – С. 59 – 61.
11. Мыреева, Анна. Николаевна. Об эвенках Южной Якутии / А. Мыреева, Г. Варламова // Розовая чайка. – 1995. – № 11. – С. 10.
12. Седалищева, Саргылана. Синилгэн – праздник первого снега / Саргылана Седалищева // Илкэн. – 2004. – № 10. – С. 1.
13. Старший брат Олдонындя и его сестры Нюргурдок и Уняптукэн // Сказания восточных эвенков / сост. : Г. И. Варламова, А. Н. Варламов ; отв. ред. А. Н. Мыреева. – Якутск, 2004. – С. 143 – 149.
14. Томская, Оюна Васильевна. С новым годом! По эвенкийски : традиции / О. Томская, Н. Герасимова. – Индустрия Севера. – 2001. – 4 августа.

Использованы фотоматериалы из семейных архивов:

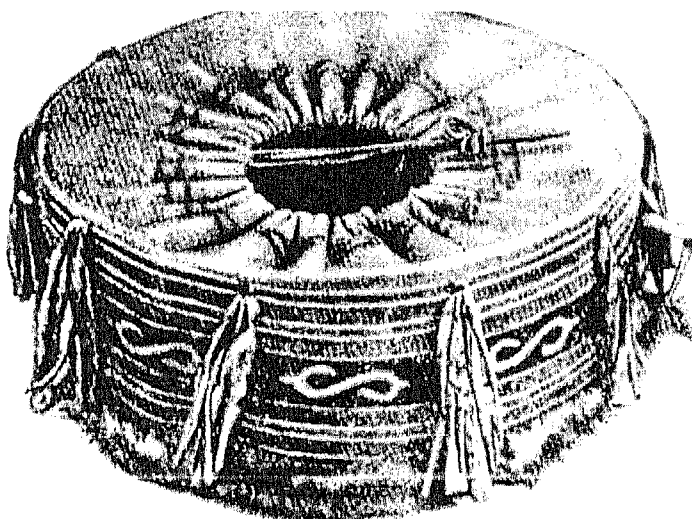
- Кирилловой М. С.
- Наумовой О. В.
- Захаровой С. И.
- Семёновой М. П.

Информаторы: Ванчикова В. В., Наумова О. В., З. Кириллова М.С.

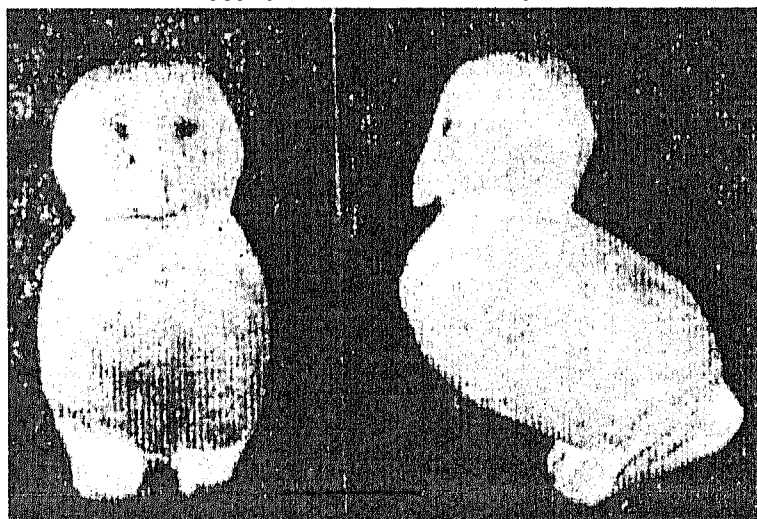
Приложения

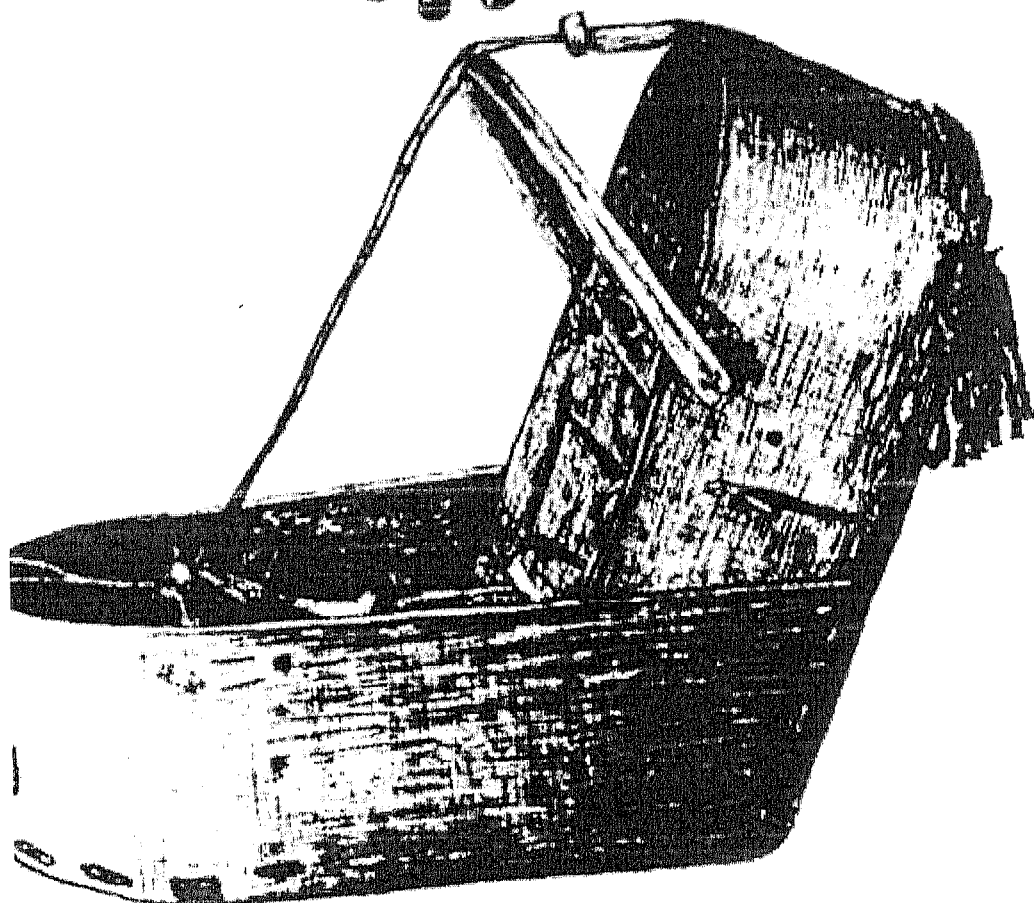
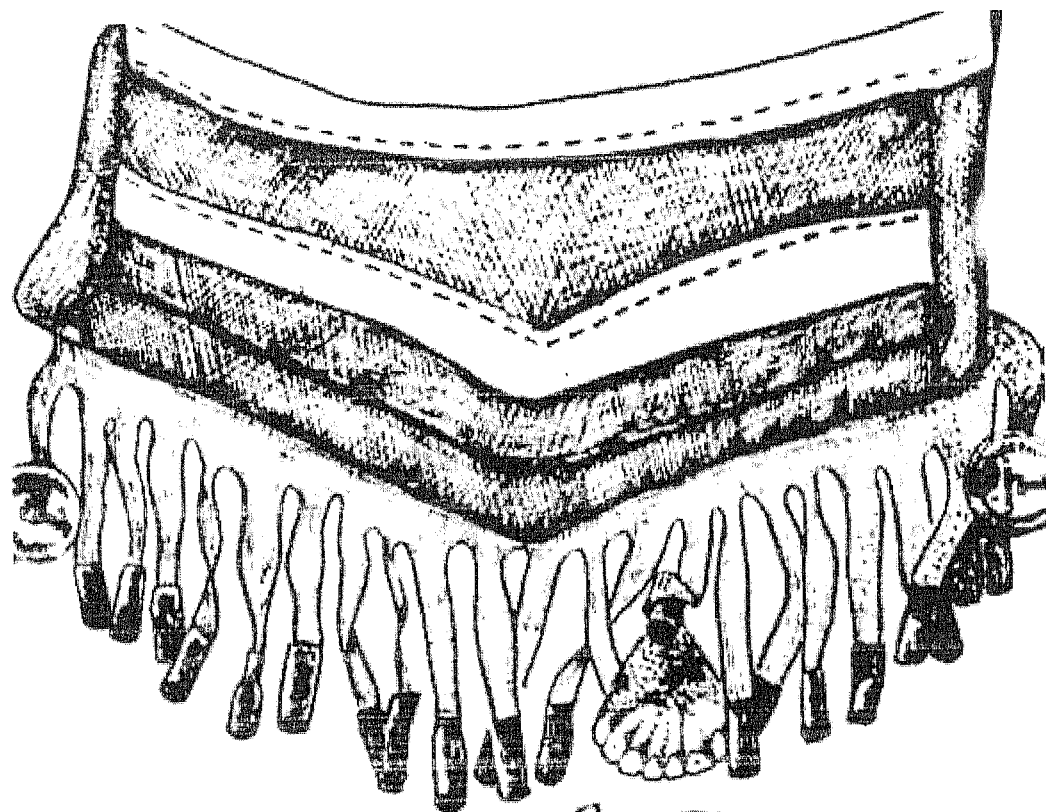
Священный олень «сэвэк»

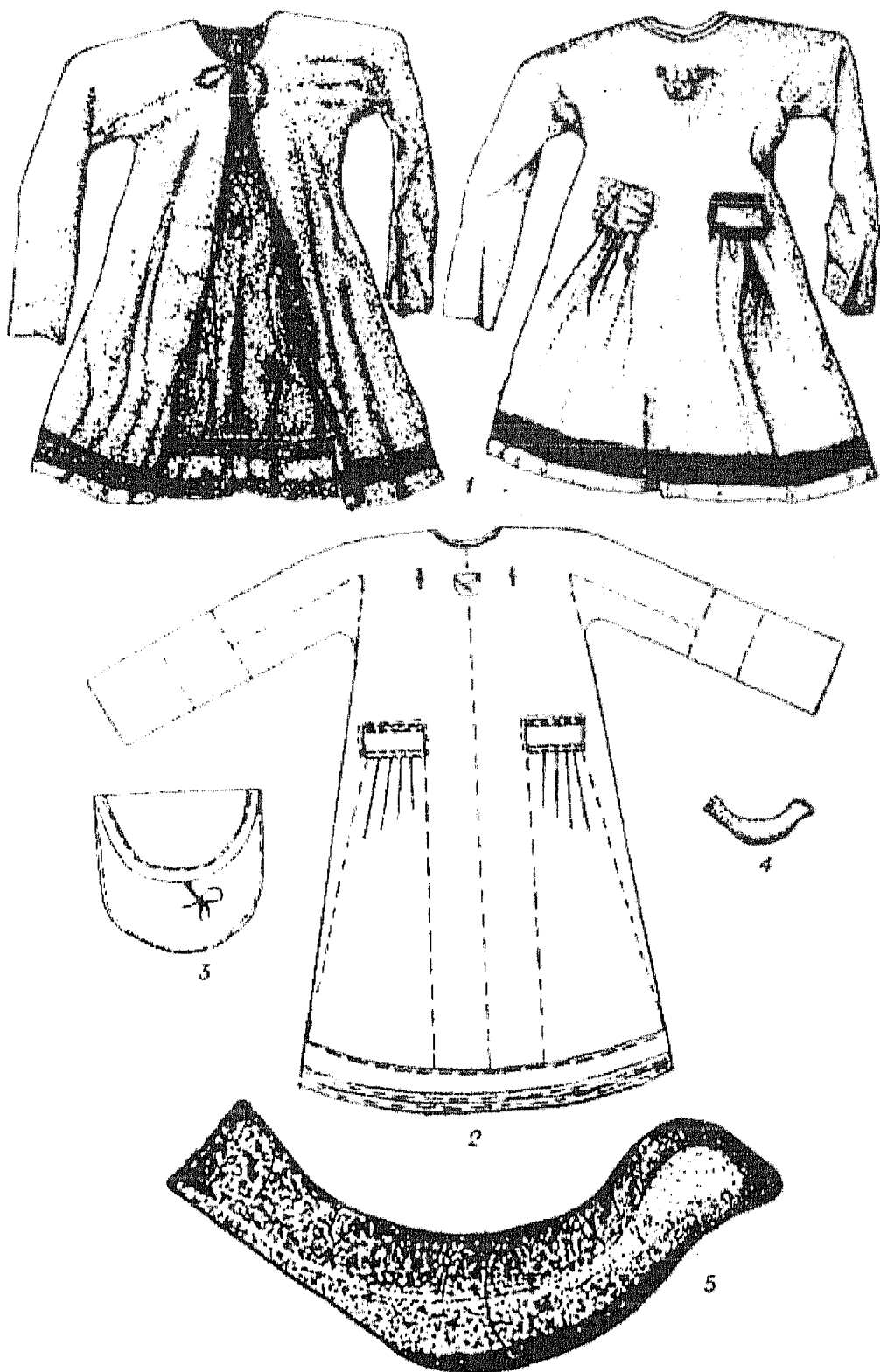
Муручун – священная шкатулка.

Птицы чипиче - чиче

Эвенкийская детская колыбель

Детская одежда с амулетом.

Подготовка к свадебному обряду

Свадебные наряды эвенкийских девушек

Малу – место на противоположной стороне от выхода палатки (юрты). Считается почетным местом в жилище.

Ментай – оберег–талисман, почитаемый охранитель эвенкийской семьи. Деревянный идол, с антропоморфной головкой на конце, без рук и ног. Клали в детскую колыбель. Он противостоял злым подземным духам, недоброжелательным шаманам и их духам, был охранителем ребенка.

Муручун – священная шкатулка с округлым дном, где хранили обереги. Изготавливались путем обтяжки деревянных стенок кожей со лба парнокопытного животного с добавлением сверху ровдужной полосы. Стенка и вверх шкатулок покрывались орнаментом.

Синкен – амулет из частей тела животных, птиц, рыб и т.д., по мнению эвенков, являлосьместилищами душ.

Олень – сэвэк - священный, табуированный олень, считается хранителем семьи и оленьего стада.

Чичипкан – идол, охраняющий от дурного глаза и недоброжелательных, враждебных духов. Изготавливался двумя способами. При первом варианте брали бревно лиственницы или сосны длиной 3 метра, на одном конце вырезали человеческое лицо, с другой стороны его раскалывали надвое и расщепленные концы разводили на 70 – 80 см., чтобы они не сходились, между ними ставили распорку. Таким образом, получалось подобие ноги. Второй вариант очень прост. Срубали две трехметровые молодые лиственницы, ставили одну комлем вверх, другую комлем вниз. Их связывали сверху и внизу. Получался лаз, через который проходят при обряде. Для охраны чичипкана использовали ментай.

Чалбон - Венера - яркая звезда, которая появлялась после солнечного заката на небе с западной стороны. Утром, перед восходом солнца, она появлялась вновь, но уже на востоке. По поверьям эвенков считается, что эта звезда является прародиной людей.

С этой планетой связаны шаманские обряды эвенков. Они считают, что эта звезда является прародиной людей, на ней помещены неродившиеся души (оми) всех людей. Вся территория Чалбон разделена на родовые участки, на которых растут только сухие лиственницы. Все они увешаны птичьими гнездами, где помещаются души оми. Души простых людей выглядят как птенцы синички (чипичиче).

Традиции и обычаи эвенков

Ответственный за выпуск:

Н. С. Бречалова

Составители:

Р. Г. Нигаматьянова; Л. С. Шаповалова

Редактор:

С.А.Черепанова

Благодарим за предоставленные фото – изо-материалы из семейных архивов
жителей с. Иенгра М. С. Кириллову, О. В. Наумову,
С. И. Захарову, М. П. Семенову, Э. Семенову.